

О Т Д Ъ Л Ъ II.

I. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Кузьма Семерцяниновичъ.

- Собралися на поле Байкальо триста богатырей,
Они думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу, заединую:
„Кабы было вольно вругомъ всей земли,
5. Кругомъ всей земли, вругомъ всей Орды,
Мы бы всю землю святогорскую внизъ повернули,
Самого бы царя во полонъ взяли.
Кабы была изъ небо лѣстница,
Мы бы выстали на небо,
10. Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа во полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ рѣчь похвальную,
Похвальную, супротивную,
Спустилъ съ небесъ поданицу удалую.
15. Прибила поданица всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку
Другаго Олешеньку,
Третьяго Илью Муромца.
20. Они со той со страсти, со ужаси
Уѣзжали на поле Байкальо
И разставили шатры бѣлополотніе;
Они спали три дня и три ночи,
Не пивающи и не ъдающи.
25. Добрынюшѣ въ шатерышкѣ не заспалось;
Выходить Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны;
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
Что не туча идетъ передъ дождикомъ,
30. Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
Идеть удалый добрый молодецъ—
Подъ имъ быть конь, какъ лютый звѣрь,
Самъ на конѣ сидить, какъ упанъ въ добрѣ,
Очи его, какъ у яснаго сокола,
35. И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.

- И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говорить таково слово.
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
40. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынушкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдалъ, уздаль своего добра коня,
45. Поскорѣе того на коня скакаль,—
Настигъ его у рѣки Смородинки,—
Загаркаль-то онъ по-звѣриному,
Засвисталъ-то онъ по-соловьиному,
Подъ нимъ конь не шарашится,
И самъ на конѣ не огляднется.
50. Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркаль-то онъ по-звѣриному
И засвисталъ-то онъ по-соловьиному.—
Подъ Добрыней конь на колѣнки паль;
Тутъ Добрыня и поворотъ держалъ
55. Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Илья Муромецъ на улицу
И самъ говорить таково слово:
„Далечно ли ты ъездилъ Добрына, куда путь держаль?“
—Ужъ ты ахъ же ты, дядюшка, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
60. Мнѣ ночесь въ шатерушку не заспалось,
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
И не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
65. И идетъ удалый добрый молодецъ:
Подъ нимъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,
И самъ сидѣть на конѣ, какъ упакъ въ добрѣ,
И очи его, какъ у яснаго сокола,
И румянѣцъ въ лицѣ какъ у алаго;
70. У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,
Изо рта у него полныя машетъ,
И идетъ мимо еви бѣлы шатры
И самъ говорить таково слово:
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ
75. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“
Тутъ Добрынушкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдалъ, уздаль добра коня,
80. Поскорѣе того на коня скакаль
И настигъ я его у рѣчки у Смородинки—
И загаркаль-то я по-звѣриному,
И засвисталъ-то я по-соловьиному—
Подъ имъ конь не шарашится,
85. И самъ онъ на конѣ не огляднется.
А оглянулся удалый добрый молодецъ,

- Загаркаль-то онъ по-звѣриному,
И засвисталь-то онъ по-соловыиному—
Подо мною конь на колѣнки палъ,
90. Я на конѣ чуть живъ сидѣлъ.—
Илья Муромцу тутъ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдалъ, уздаль своего добра коня,
95. О двѣнадцати подпружинкахъ подпруживалъ,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
А четырнадцатый клалъ нахвостничекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Береть онъ копьице булатное,
100. Вострый ножъ береть со чинжалищемъ.
Только видѣли молодца на конѣ сядучи
И не видѣли его поѣдучи;
Конь озера и рѣки иерескаивалъ,
Темные лѣса между ногъ пускалъ,
105. И настигъ его на полѣ Байкановѣ.
И ирѣзжаетъ Илья Муромецъ ближе того,
И загаркаль-то онъ по-звѣриному,
И засвисталь-то онъ по-соловыиному—
Подъ нимъ конь не шарашится
110. И самъ на конѣ не огляднется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркаль онъ по-звѣриному,
Засвисталь то онъ по-соловыиному—
Подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
115. И бѣть Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ
„Ужъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чуешь надо мной невзгодушку!“
Конь и скочилъ, и близко подѣзжаетъ къ богатырю,
И ударилъ онъ палицей желѣзною по главѣ—
120. У его старика колпаки не страхнулися,
Желты кудри на главѣ не сполстилися.
Самъ говорить таково слово:
„Есть на Святой Руси комарики,
Больно комарики кусаются!“
125. И завели они биться палицами желѣзными,
У ихъ палицы приломалися;
И завели они въ копьице булатныя,—
У ихъ копья приломалися;
И завели они биться въ рукопашный бой—
130. И перебилъ Илью Муромца и поверхъ (такъ!) его.
Илью Муромцу смерть была не писана,
Свернулся—и наверхъ его.
И выдергиваетъ Илья Муромецъ ножъ съ чинжищемъ,
И сдѣмается ножъ выше головы:
135. „Скажись молодецъ, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя:
Которой земли и которой Орды,

- Котораго отца, которой матери?“
—Ужъ ты, старая собака, воръ съдатый волкъ!
140. Кабы былъ на твоихъ грудахъ черныхъ,
Поролъ бы твои груди черныя,
Рѣчистый языкъ бралъ бы съ тимянемъ,
Отсѣкъ бы твою буйную голову,
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сырь землю!—
(Вопросъ и отвѣтъ повторяются трижды)
145. Не могъ я отъ тебя отперетися,
Отпереться и отказатися—
Есть я Кузьма Семерцаниновъ, богатырь.—
Онъ и скоро скакаль со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
150. И пѣловаль въ уста сахарные,
Называлъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ они съ племянникомъ погостилися,
Тутъ они и распостилися—
Одинъ въ сторону поѣхалъ, другой въ другую.
155. Илья Муромецъ и разставилъ шатерь бѣлополотняный
И зауснулъ онъ богатырскимъ сномъ;
И разгорблося у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру
И тяжнуль Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
160. Илью Муромцу смерть была не писана,
На груди у него угодился крестъ.
Онъ скоро скакаль съ богатырска сна
И бралъ племянника за ручки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сырь землю.
165. Выкопалъ у племянника глаза и посадиль на добра коня:
„Повози, добра лошадь, куда знаешь его“.

Сойда Вытегорскаго уѣзда. Записалъ отъ крестьянина Дементія Тимофеева учитель *К. Н. Маклоновъ*.

II. Добрыня Никитичъ ¹⁾.

- Ходилъ, гулялъ Добрынушка по городу,
Ходилъ, гулялъ Никитичъ по Кіеву,
Добрынушкѣ-то матушка наказывала:
„Не ходи ты во улочку возвратную,
5. „Во тѣ ли переулочки Маринкины:
Тамъ живеть курва Маринушка Игнатьевна,
Она зеленщица да и отравщица;
Она много, много отравила добрыхъ молодцевъ,
Она сильныхъ могучихъ богатырей“.
10. Ходилъ Добрынушка по городу по Кіеву
И зашелъ во улочку возвратную,
Во тѣ ли переулочки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,
Выпращала голубка со голубкомъ.
15. Тутъ увидѣла Добрынушка Никитичъ младъ,
Свой тугой онъ лукъ натагиваетъ,
Калену-то стрѣлочку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкомъ“.
20. Да не убилъ голубка да со голубкомъ,
Убило у Маринушки околенку,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолища поганаго,
Поганаго да некрещенаго.
25. Еще тутъ молѣдѣль да пораздумаляся:
Не есть слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская,—
Да не пропасть-то моей каленої стрѣлѣ
Да у той ли у Маринки Игнатьевны.
30. Заходить Добрыня во высокъ теремъ,
Кресть онъ кладеть да по писаному,
Да поклоны-то владеть да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
35. Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынушка Маринушкѣ челомъ не бѣть.
Браль то Добрынушка калену стрѣлу,
Пошелъ-то Добрыня вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Маринки за бѣду пришло,

¹⁾ Былина эта очень близка къ записанной А. Ф. Гильфердингомъ въ д. Полинской на Мошѣ отъ П. С. Малыгина („Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.“, LXI, вып. 1, стр. 536, № 316—„Добрыня и Маринка“). Но въ предлагаемомъ спискѣ она помѣщена (159 строкъ вместо 137) и цѣльно по содержанию. Очевидно Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Кромѣ того это болѣе ранняя запись.
H. B.

40. За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,
Добрынины-то слѣдочки подрѣзыvalа,
Клала она въ печь на дрова на дубовыя,
45. Сама-то ко слѣдочкамъ приговаривала:
„Шайте и нойте, Добрынушкины слѣдочки,
Чтобы нояло у Добрынушки ретиво сердце
Но миѣ ли по Маринѣ по Игнатьевны“.
Приходить да Добрыня къ родной матушкѣ.
50. Говорила тутъ Добрынѣ родна матушка:
„Что ходило мое дитятко—доходило,
Что гуляло мое дитятко—догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрынушка ни пить, не ъесть
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночки спать.
55. И вставаетъ то Добрынушка поутру ранешенько,
Умывается Добрынушка бѣлешенько,
Снаряжается Добрыня хорошохонько
И походитъ-то ко ранней ко заутренькѣ,
И выходитъ-то Добрынушка на улочку.
60. Стоючись да тутъ Добрыня пораздумалася:
„Да что миѣ дѣлать у церкви у соборныхъ,
У той ли у заутреньки у раннія?—
„Пойду лучше къ Маринѣ ко Игнатьевны“.
И заходитъ-то Добрыня во высокъ теремъ,
65. Онъ крестъ кладеть да по писаному,
Поклоны-те ведеть да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется,
Добрынушка Маринѣ низко кланяется—
Маринушка Добрынушкѣ чelомъ не бѣть.
70. Говорила тутъ Маринушка Добрынушкѣ:
„Вчeraсь-то какъ былъ, то не то творилъ,
„А сегодня-то ты во моихъ рукахъ,
„Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
„Возмѣши ли ты, Добрыня, за себя замужъ?“
75. Говорилъ тутъ Добрынушка Маринушкѣ:
„Не подобаетъ миѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
„Невѣрная да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрынушкѣ:
„Оbernu тебя жабой подземельною,
80. „Которой жабы отвороту нѣть.
„Ты возмѣши ли, Добрыня, за себя замужъ?“
—Не подабаетъ миѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оbernu тебя, Добрынушка, борзымъ кобелемъ,
85. Спущу я по городу по Киеву—
Сбирать тебѣ кусочковъ подстолъныхъ.“
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки
И приходитъ ко Маринѣ ко Игнатьевнѣ.
„Находился-ли, Добрынушка, по городу по Киеву

90. И наўся-ли кусочковъ подстольныхъ?
Возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
—Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
Невѣрная да некрещеная.—
„Оберну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
Всячиной-то тура да изукрашу я:
95. Одна щетинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока да рыту бархату,
Рожка-то у тура да позолочены.
Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,
Поѣшь-ка ты, Добрынюшка, ковыль травы
100. И попей-ка ты, Добрынюшка, водушки болотныя.
У того-ли было Князя у Владимира,
Сдѣлался у него да почестный цирь.
Всѣ-ли на пиру да напивалися,
Да всѣ-ли на честномъ да наѣдалися,
105. Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались—
Кто вѣдь хвасталь добрымъ конемъ,
Иной хвасталь молодой женой.
Похвастала Маринушка Игнатьевна:
„Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
110. Девять тuroвъ да девять гнѣдыхъ,
Десято-еть туръ онъ хороши красивъ,
Одна шерстинка золота, друга серебряна,
Носъ да бока рыту бархату,
Рожка-те у тура позолочены.
115. Вставала Катерина Никитична на ноги
И брала она Маринку рукой за воротъ,
А другой била по бѣлу лицу:
„Ужъ ты, вѣдьма, ты, Маринушка Игнатьевна,
Какъ не отвернешь ты моего братца милаго Добрынюшку Ни-
китича,
120. Оберну тебя саму жабой подземельною,
Которой жабы отвороту нѣть!“
И обернулася Маринушка сорокою,
И полетѣла-то Маринка во чисто поле.
Нашла она Добрынюшку во чистомъ полѣ
125. И садилася она Добрынюшкѣ на златой рожокъ,
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:
„Ты возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“
— Отверни ты всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей,
130. Я втупорѣ-то тогда тебя взамужъ возьму.—
Приходитъ тутъ Добрынюшка къ матушкѣ
И разсказываетъ Добрынюшка тутъ матушкѣ,
Что далъ заповѣдь великую, взять Маринушку Игнатьевну.
Тутъ-то они да обручились,
135. Тутъ да они да обвѣнчались.
Приходитъ-то Добрыня съ молодой женой
„Слуги мои да слуги вѣрные!

- Ужъ вы дайте-ка мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой Игнатьевной.“
140. Слуги у него были сдогадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ-то Добрый у Маринки буйну голову
И клаць да на дрова на дубовые,
И пепель разсыпалъ по чисту полю.
145. Тутъ вставаетъ-то Добрыняшка ранешенько,
Умывается Добрыняшка бѣлещенько,
Снаряжается Добрыня хорошехонько
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутренькѣ.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ его поздравляютъ:
150. „Здравствуй ты, Добрыняшка Никитичъ младъ,
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
Со своей да со княгиней сообручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной!“
Говорилъ тутъ Добрыняшка Никитичъ младъ:
155. — Ужъ вы, други мои да вы пріятели,
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удавается.
Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу.—

Записано учит. Громовыми въ Мошинскомъ приходѣ, Каргополь-
скаго уѣзда, со словъ дѣвицы Феклы Степановны Савиной.
